

Г. Ф. БОГАЧ

ЕЩЕ ОДНА ИНСИНУАЦИЯ И. П. ЛИПРАНДИ

Сохранилось сведение о том, что в Кишиневе дворецкий бадя Тодор обучал Пушкина молдавскому языку. У поэта якобы была и специальная тетрадь, куда он заносил и по которой учил молдавские слова и предложения с их русским переводом¹. Возможно, что все это правда. Сохранились ведь в записи Пушкина отдельные турецкие слова с соответствующим переводом. Следовательно, вполне понятен и его интерес к молдавскому языку. Недоверие в данном случае вызывают лишь некоторые сведения, записанные из уст бади Тодора (о них скажем ниже) и сведения о его возрасте. Будучи уже стариком при Пушкине, он умер якобы в 1884 году, то есть через добрых 60 лет. Как бы то ни было, факт, изложенный в имеющемся воспоминании, правдоподобен и должен свидетельствовать об интересе поэта к языку молдавского народа.

В мемуарной литературе, однако, сохранилось сведение и об отрицательном отношении Пушкина к молдавскому языку. В переводе на этот язык «Федры» Расина поэт якобы не видел никакой «гармонии». И. П. Липранди, от которого исходит это свидетельство², сам занимался молдавским языком. Как и в других местах своих воспоминаний, в данном случае он тоже мог приписать Пушкину свое собственное мнение об отсутствии гармонии и уже, впрочем, не только в языке перевода, но и в молдавском языке в целом. Проверить достоверность этих сведений Липранди мы все же можем. Выводы, к которым нас

¹ См. А. С. Пушкин в Кишиневе. (По поводу пятидесятилетней годовщины смерти поэта). «Московские ведомости», 1877, 8 февраля; «Русский архив», 1899, № 6, стр. 340—348.

² См. М. Ця в л о в с к и й. Из Пушкинианы П. И. Бартечева. «Летописи Государственного литературного музея Пушкина». Публикации и комментарии. М., 1936, стр. 548—558.

подведут материалы мемуариста, мы сравним затем с итогами нашего же анализа высказываний поэта о молдавском языке и об отдельных молдавских словах, вкрапленных поэтом в его творчество.

Здесь следует, правда, отметить лишь то, что отрицательное мнение о языке перевода художественного произведения (кому бы это мнение ни принадлежало!) нельзя отождествлять с суждениями о гармоничности данного языка в целом. Не отождествлял эти две категории и сам Пушкин. В творчестве Расина, например, он ценил в первую очередь его стихи, «полные смысла, точности и гармонии». Этим же достоинством требовал он и от русских переводов «тонкого и придворного» Расина. Сохранилось письмо поэта, отосланное им в начале 1824 года из Одессы, в котором он негодует по поводу одного такого перевода и называет его «гадостью»: «Кстати о гадости — читал я Федру Лобанова — хотел писать на нее критику, не ради Лобанова, а ради маркиза Расина — перо вывалилось из рук. И об этом у вас шумят, и это называют ваши журналисты прекраснейшим переводом известной трагедии г. Расина!.. А чем же и держится Иван Иванович Расин, как не стихами, полными смысла, точности и гармонии...» (XIII, 86—87)³. Следовательно, мнение — пусть даже и Пушкина! — о молдавском живом языке (который он как будто бы был склонен даже изучить) далеко не одно и то же с высказываниями (если только они действительно принадлежат ему) о гармонии этого же языка в соответствующем переводе «Федры».

Одной из форм проверки и подтверждения или опровержения сведений, содержащихся в упомянутых выше двух мало надежных источниках, могут оказаться — если они только имеются — непосредственные высказывания поэта о данном языке. Другим средством может быть анализ на достоверность интересных нас воспоминаний бади Тодора и Липранди. Фальсификацию не так уж трудно будет доказать. Известно, что любой фальсификатор всегда и везде старается представить свое изделие вполне достоверным: занятый фабрикацией, он мало заботится о том, что факты или суждения, приписываемые им отдельным лицам, не могли не поразить и других современных ему мемуаристов, которые как раз о сфабрикованном ничего и не пишут; наряду со всевозможными анахронизмами, несуразностями и противоречивыми сведениями фальсификатор всегда роскошно доказывает автентичность своего изделия, нагромождая уйму деталей и свидетельств, наподобие злодея, запасающегося не одним паспортом.

О тексте воспоминаний бади Тодора как о фабрикации говорить не приходится. Это объективистские и безтезисные за-

³ Здесь и далее цитаты из произведений Пушкина даются по большому Академическому изданию в шестнадцати томах (1937—1949).

писи, произведенные неизвестным почитателем Пушкина ради памяти самого поэта. Пусть в них и будут анахронизмы или несуразности, которыми обычно народная память обволакивает прошлое, — регистратор в них не повинен, так как он записывал все то, что ему сообщалось. Так, в этих воспоминаниях нам кажутся вовсе не соответствующими действительности утверждения о том, что Пушкин из заученных молдавских слов «с грехом пополам складывал предложения, *большой частью не имевшие, впрочем, никакого смысла*», или что фразы (фразы!), «которые чаще всего надобно было употреблять и которые ему особенно не давались, *он записывал прямо на стенах*, чтоб они были всегда на виду». О последнем «свидетельстве» можно безошибочно утверждать, что оно возникло гораздо позже, когда в заброшенный дом Инзова нахлынули всевозможные посетители, исписавшие все стены и даже потолок. В большом количестве сувенирных подписей, проколотых сердец и, вероятно, пошлых записей кому-то вдруг пришло в голову приписать кое-что самому Пушкину (так вообще формируются предания). Затем уже вошедшее в обиход и принятое как достоверное открытие известие о Пушкине, записывавшем целые «фразы» на стенах, ждало своего регистратора, пока и на самом деле не было впервые записано. Спрашивается: виновен ли в этой выдумке регистратор? Конечно, нет! Из воспоминаний «бади Тодора» все же можно сделать вывод, что кое-какой интерес у Пушкина к молдавскому языку был. Такие слова, как «здравствуйте», «добрый день», «госпожа», «барышня», «за ваше здоровье» и другие из области приветствий и обращений, заучиваются всегда в первую очередь.

Совсем другое наблюдаем мы в соответствующем тексте воспоминаний Липранди. Набросав пространную сцену (которую современники почему-то не захотели печатать и в которой он усложнил роли действующих лиц), Липранди сходу подчинил все это нагромождение — для придания ей большей достоверности — весьма незначительной идее. Этот эпизод, диспут о гармонии молдавского языка в доме К. Стамати, заключил он, пытаясь выглядеть даже наивным, «*не знаю почему попал ко мне в дневник* и здесь я рассказал его потому более, что из числа аристократических домов Кишинева Пушкин нигде не был развязнее, как в обществе Бологовского»⁴. Спрашивается: стоило ли для доказательства столь пустякового тезиса о развязности Пушкина вмешивать в дело столько имен и назойливо приводить такое количество доказательств об автентичности эпизода и нельзя ли было ограничиться лишь необходимой характеристикой. В других местах своих воспоминаний о Пушкине, опубликованных Бартевым, Липранди именно так и поступал.

⁴ М. Цявловский. Из Пушкинианы П. И. Бартева, стр. 558.

Приведенные ниже факты подведут нас к выводу о том, что своим вымышленным эпизодом об участии Пушкина в диспуте на тему о гармонии молдавского языка и якобы об отрицательных его высказываниях Липранди решил подкрепить свое собственное мнение по данному вопросу. Все свое красноречие Липранди использовал для доказательства того, что не он лично и никто другой, а сам Пушкин высказал это мнение. О себе же мемуарист, который действительно занимался молдавским языком и не признавал его латинское происхождение и который присутствовал при диспуте, ничего не говорит. Точно его и не было при обсуждении вопроса. Однако, пытаясь создать видимость легкой наивности и полного объективизма, при всем своим большим опыте крупного сыщика Липранди все равно выдает себя с головой. Улики состоят в том, что, излишне запасааясь всякими доказательствами об автентичности в вопросах, очевидно, незначительных, мемуарист допускает множество противоречий и несуразностей; в том, что из всех современников он *один* утверждает что-либо такое, чего мы не находим ни у других мемуаристов, ни у самого Пушкина.

Так, в частности, обстоит дело с приписываемым Пушкину произношением нескольких молдавских слов: в числе слов, вкрапленных Пушкиным в его творчество, отсутствуют как раз те, которые якобы он произносил при Липранди. В этом отношении от данных «воспоминаний» выгодно отличаются сведения бади Тодора: приведенные там два слова, не встречаясь у Пушкина, были записаны другими мемуаристами. А Липранди со своим списком стоит особняком, как и вообще со сведением об обсуждении языка перевода «Федры» — обсуждении, оценном мемуаристом... «потехой»!

Для доказательства усиленных занятий самого Липранди молдавским языком (его происхождением, этимологией отдельных слов, письменностью и, по аналогии, самой гармонией) просмотрим его высказывания по данному вопросу, имеющиеся в разных местах его воспоминаний.

Этот мемуарист не упустил случая высказать свои суждения и по поводу транскрипции одного молдавского слова, встречающегося у Пушкина.

В письме к своему другу В. П. Горчакову поэт так написал его адрес: «Горчакову в Гурогулбине» (XIII, 52). Это письмо Горчаков передал затем биографу Пушкина П. Бартеневу, который и привел его в своей статье с поправкой, подсказанной самим Горчаковым: не *Гурогулбин*, а *Гурагалбина*⁵. И у Пушкина и у Горчакова (соответственно — у П. Бартенева) написание ошибочно: по-молдавски наименование данного села, расположенного на реке Когыльник (в Чимишлийском районе

⁵ См. П. Бартевев. Пушкин в Южной России. «Русский Архив», 1866, № 8—9, стб. 1177 и 1178, сн. 86.

Молдавской ССР), звучит и пишется правильно так: *Гура Галбенэ*.

В заметках на статью Бартенева И. П. Липранди придрался к написанию топонима «Гурогулбина». Он писал: «В выноске (86) — вместо — «Гурогулбина» следует Гура Галбина, т. е. желтая гора, или гора Червонцев. Червонец по-молдавански — галбина. Гура-Галбина — именье известного оригинала. камергера Янки Балш. — Вигель в воспоминаниях своих (часть седьмая, гл. 1) в выноске говорит, что «Гура» по-молдавански значит «устье реки или речки». Откуда он взял это? Впрочем воспоминания его — большей частью лишь набор вымыслов и вздора. Гура Роша; Гура Сарацика; Ма-Гура и т. п. в Бессарабии не устье реки или речки, а горы, точно так же как и Гура-Галбина»⁶.

«Набор вымыслов и вздора» не у Вигеля, который дал совершенно правильный перевод молдавского этнопического термина *гура* — устье, а у самого Липранди. В трех из приведенных им примеров *гура* (лат. > *gula*) означает «устье». Слово же *мэгура* — «изолированный холм», «небольшая возвышенность» (ср. албанский — *magulz* и новогреческий *μαγούλον* — «ягодица») — совершенно произвольно разделено мемуаристом на два слова.

Мы вправе спросить, как и сам мемуарист: «Откуда он взял это?» Почему, противореча истине, правильно переданной Вигелем, Липранди утверждал, что молдавское *гурэ* означает «гора», а не «устье»?

Ответ на этот вопрос дает Липранди в своих высказываниях, где он опровергает и ненавидит всех тех, кто считал молдавский язык латинского происхождения, всех молдаван и валахов, производящих себя в вопросе этногенезиса от римлян, а также и любые попытки молдо-валахов сблизить себя с Западом. Он даже подготовил статью «Об усиллии молдо-валахов произвести себя от римлян»⁷. Одержимый ненавистью против всего латинского в молдо-румынском языке, Липранди был готов не одно слово этого языка объявить славянским. Так поступил он и в данном случае, опираясь на случайную фонетическую близость молдавского *гурэ* с русским «горá» (горы): без дальнейших исследований этот «знаток» объявил, что слово *гурэ* означает не что иное, как нужное ему «гора».

Подобных шовинистических взглядов по отношению к языку северодунайского населения романского происхождения придерживался в прошлом, к сожалению, не один Липранди.

В другом месте своих воспоминаний Липранди набросал следующее: «На юго-запад от Аккермана есть несколько не-

⁶ И. П. Липранди. Из дневника и воспоминаний. «Русский Архив», 1866, № 8—9, стб. 1427 и 1428.

⁷ Там же, стб. 1428, сн. 68.

больших озер, из коих только в одном пресная вода. Озеро это названо было чабанами *Лакул-Овиолуй*, то есть «Овечье озеро», или «Озеро овец», потому что оно было единственное, к которому они подгоняли стада для водопоя. Овцы по-молдавски *овио*. Очень хорошо помню, что, когда Пушкин услышал эти объяснения, он расхохотался и заметил, что Свиньину следовало тут как-нибудь припутать и Лукулла и т. п.»⁸. Однако и здесь Липранди неправ: «Озеро овец» на молдавском языке надо передавать не через *Лакул-Овиолуй* (полная бессмыслица!), а через *Лакул Оилор*; «овца» по-молдавски не *овио*, как с удивительной смелостью утверждает он, а *оае* (чит. *уоайе*, множеств. *ой, ≈ ле*). Дело же еще и в том, что такого озера вовсе нет «на юго-запад от Аккермана», как пишет мемуарист...

В другом месте Липранди пишет, что, приблизившись к Западу, молдаване стали заменять славянский шрифт и исконные славянские слова словами романского происхождения. В качестве примера он привел еще три слова, и в их числе это же существительное *гура*, которое якобы оказалось замененным словом *монтина*. Но это неверно — такого неологизма нет и никогда не было! Исконное молдавское слово *мунте* (лат. *montem*), обозначающее «гора», никогда и никем, кроме самого Липранди, не заменялось другими словами. Беда беду родит: к этому необоснованному утверждению мемуариста привело то же ложное представление, согласно которому молдавское исконное слово *гура* («устье») является якобы заимствованным из славянского («гора»). Другие два слова, приведенные там же мемуаристом, действительно являются заимствованиями: *амурезу* (гесте: *аморезул*) и *инзула* (гесте: *инсула*) для понятий «любовник» и «остров».

Приведя в другом месте своих мемуаров несколько собственных молдавских имен, Липранди «заметил»: «Здесь должно заметить, что в Молдавии бояре принимают фамилии от главных поместий; так одни Роскеты приняли название от Рознова и сделались Разнованы; другие Роскеты, от Баланешты, назвались Баланески. Кантакузины в Молдавии назвались Пашканы и т. д. Некоторые из помянутых Роскетов без основания производят себя от Рагузских Розеты»⁹.

К таким же этимологическим увлечениям Липранди можно отнести и его утверждение по поводу молдавского антропонима *Иордаки*. Он писал, что более правильной формой является *Иоргаки*: «Правильней Иоргаки от Иорго, Георгий»¹⁰.

Примеров для доказательства этимологических занятий

⁸ И. П. Липранди. Указ. соч., стб. 1428, сн. 68.

⁹ Там же, стб. 1233, сн. 13.

¹⁰ Там же, стб. 1411.

Липранди приведено достаточно. На их основании мы можем сделать вывод, что и при описанном диспуте в доме Стамати мемуарист не молчал, а рьяно опровергал наличие гармонии в молдавском языке и, больше того, пытался убедить в этом мнении и самого Пушкина. По-видимому, не добившись этого в Кишиневе, он после гибели поэта приписал ему свое же мнение в мемуарах.

Впрочем следы влияния Липранди на Пушкина в вопросе этимологии молдавского языка все же имеются.

Гораздо позже, в 1836 году, — и это единственное, хотя и несколько косвенное высказывание Пушкина о происхождении молдавского языка, — контекст поэта дает возможность для заключения, что молдавский язык якобы славянского происхождения. Молдавское наречие было отнесено им, судя по контексту, к группе славянских языков. В конце 1836 года Пушкин писал: «Ломоносова оды писаны на русском языке с примесью некоторых выражений, взятых им из Библии, которая лежала перед ним. Но в Ломоносове вы не найдете ни польских, ни сербских, ни иллирийских, ни болгарских, ни богемских, ни молдавских и других наречий славянских» (XII, 148).

Если и в период пребывания на юге Пушкин был такого же мнения, которое вытекает из приведенной цитаты, то мы вправе считать это суждение не итогом самостоятельных изысканий, а мнением, внушенным ему знакомым по Кишиневу И. П. Липранди, ставшим позже ренегатом и шпионом. Именно он занимался этимологией молдавских слов и старательно возводил их к славянскому корню.

В «воспоминаниях» Липранди о взаимоотношениях Пушкина с молдавским поэтом и переводчиком «Федры» К. Стамати нетрудно уловить следующее: изображая Пушкина в различных ипостазах великодержавного, неуимчивого и неразумного насмешника над молдаванами и их языком, Липранди помимо своей воли почему-то вынужден был всякий раз отмечать либо совершенно противоположное мнение поэта, либо его серьезность и глубокое понимание обсуждаемого вопроса. Вот примеры: прежде Пушкин был хорошего мнения о молдаванах. Затем же, «можно почти с уверенностью сказать», что после того, как сам мемуарист невыгодно обрисовал молдаван, «Пушкин начал смотреть на них с более верной точки зрения и так сообразовать свой образ обращения с ними». Далее мемуарист говорит, что в Кишиневе молодые молдаване были все время около Пушкина. Почему же это так? Не потому ли, что Пушкин начал «с более верной точки зрения... сообразовать свой образ обращения с ними»?

Обращает на себя внимание и другое: сведения, сообщенные Липранди по данному вопросу, стоят совершенно изо-

лированными в числе довольно многочисленных воспоминаний современников о кишиневском периоде жизни поэта. Друг Пушкина, прапорщик В. П. Горчаков, тоже был свидетелем каких-то разговоров в Кишиневе о молдавском языке. Присутствовал и он тогда, когда обсуждался как раз вопрос о гармонии молдавского языка перевода «Федры». Вот сноска Горчакова к соответствующему тексту его же воспоминаний: «Г<осподин> Стамати, действительно, перевел «Федру» на молдавский язык; но сохраняя должное уважение к его личным достоинствам и образованию, нельзя было не согласиться, что выходили странные звуки, а между тем Стамати слыл стихотворцем...»¹¹.

Из приведенной цитаты явствует, что кто-то из присутствовавших действительно отрицал наличие гармонии в этом переводе. Спрашивается: если лицом, опровергавшим наличие гармонии, был Пушкин, то почему же Горчаков, писавший о поэте, не засвидетельствовал это?

Другим молдавским «стихотворцем» в Кишиневе был тогда и Янку Руссо. Липранди пишет о нем в том же отрывке, в котором говорит и об обсуждении языка перевода «Федры». Об этом молдавском поэте Липранди пишет тоже отрицательно и приписывает такое же отношение к нему Пушкина. Однако в одном и том же предложении мемуарист проговаривается и тем самым сам себя опровергает. Вот это предложение Липранди: «Пушкин чувствовал к нему [к Янку Руссо] антипатию, которую скрывать не мог, и, полагаю, что к этой ненависти много содействовало и то, что Руссо не был обычного направления тогдашней кишиневской молодежи, увивавшейся за Пушкиным»¹². Вполне возможно, что Пушкин действительно ненавидел этого Руссо; вполне возможно, что не был ему по душе и Стамати, как об этом говорит Липранди. Но и в таком случае, по элементарной логике вещей и честности, об этом, как об *общем явлении*, мемуарист должен был говорить в *первую* очередь и лишь потом об исключениях, о частностях! И если об отрицательном отношении Пушкина к молдавским поэтам Стамати и Руссо пишет из всех мемуаристов один только Липранди, то о том уважении, которым Пушкин пользовался у молодежи, пишут и сам поэт и его современники. В 1824 году Воронцов доносил, что Пушкина следует убрать и из Одессы и из Тирасполя, потому что его почитатели, «молодые бояре», то есть молдаване, и там смогут добраться до него и создать вместе с Пушкиным «скверное общество»¹³. А. Ф. Вельтман писал, что

¹¹ Сб. «Пушкин в воспоминаниях современников». М.—Л., 1950, стр. 188.

¹² М. Цяловский. Из Пушкинианы П. И. Бартенева, стр. 555 и 556.

¹³ «Русская старина», 1879, октябрь, стр. 292.

«живым нравом и остротой ума Пушкин вскоре покорил и внимание молдавского общества; все оригинально-странное не ушло от его колючих эпиграмм, несмотря на то, что он их бросал в разговоры как будто только по одной привычке: память молодежи их ловила на лету и носилась с ними по городу»¹⁴.

Обратив внимание на общие особенности данного «воспоминания» Липранди, познакомимся сейчас с той частью воспоминаний, в которой речь идет об отсутствии гармонии в молдавском языке. Воспроизведем прежде всего сноску к соответствующему тексту: «Однажды, — пишет Липранди, — когда мы проходили с Пушкиным мимо дома Стамати, тот сидел на крыльце; поклонившись, мы обменялись несколькими словами, не останавливаясь, но спутник мой пожелал, чтобы я завел его посмотреть Анакреона, поставленного в честь Свиньину. Я остановился и отнесся с какой-то речью к Стамати, он поспешил пригласить нас. Мы сели на крыльце, прохладяясь тотчас поданной дульчещей (вареньем). Чтобы скорей окончить посещение, я просил Стамати показать Пушкину свой садик с обелиском, что тотчас и было исполнено. Хозяин был в восхищении от посещения его Пушкиным и пригласил нас на следующий день обедать, но спутник мой под вымышленным предлогом отложил это до другого раза. На мой вопрос, когда мы от него вышли, почему он отказался, тем более, что Стамати хорошо угощает, Пушкин отвечал: «Что же толку в том: после обеда он непременно бы перевернул всю внутренность мою свою «Федрой»; он во что бы то ни стало хочет мне прочесть ее от доски до доски, а я не выдержал бы, чтобы не расхохотаться, что было бы невежливо у него в доме».

По поводу воспроизведенной здесь сноски следует обратить внимание на следующие — так в лучшем случае можем мы их назвать — *несуразности*. Оба спутника проходили мимо дома Стамати. Тот из них, который «пожелал» посмотреть скульптуру Анакреона (Пушкин) шел, почему-то не останавливаясь, а второй, Липранди, о котором через три строки узнаем, что он хотел побыстрее окончить тяготившее его посещение, почему-то остановился: «Я остановился», — пишет Липранди. И вторая несуразность: неужели Стамати так и думал, что для проверки гармонии языка своего перевода надо было читать этот перевод «от доски до доски»? И еще одна несуразность: неужели Стамати, так пытавшийся сблизиться и так обрадовавшийся посещению его Пушкиным, готовым, по словам Липранди, расхохотаться по поводу его литературного изделия, не чувствовал этого пренебрежения? Это напоминает нам проти-

¹⁴ Сб. «Пушкин в воспоминаниях современников». М.—Л., 1950, стр. 232.

воречивое мнение мемуариста, с которым мы только что познакомились, о молдавской молодежи, увивавшейся за Пушкиным, который — за эту же привязанность, что ли? — мог ее просто ненавидеть!

Перейдем к основной части отрывка. Ее текст воспроизводится ниже. Затем следуют наши комментарии.

«Стамати пустился писать с такой смелостью, что начал переводить на молдавский язык трагедии Вольтера и Расина».

В а ф ф е к т и в н о м «пустился писать с такой смелостью» мемуарист мог подразумевать одно из двух: либо то, что для Стамати занятия литературой были не под силу из-за недостатка одаренности или образования, либо то, что на молдавский язык невозможно и не следовало бы переводить французскую изящную литературу (такое мнение в то время существовало!).

В первом случае Липранди вступает в противоречие с мнением другого современника об этом молдавском писателе. В. П. Горчаков говорит о «личных достоинствах и образовании» К. Стамати, у которого была и неплохая библиотека.

Во втором случае, подразумеваемая невозможность художественных переводов на молдавский язык, Липранди, как и другие современники, настроенные великодержавно, *не знал*, что в Молдавии Вольтер, Расин и другие переводились уже в XVIII веке.

«Пушкин встречал его в разных домах, и, несмотря на все усилия Стамати сблизиться с нашим поэтом, этот был равнодушен к вызовам первого — прослушать переводы «Федры», чтобы оценить гармонию молдавского языка.

Пушкин постоянно отклонялся, довольствуясь уже тем, что слышал некоторые отрывки, повторенные в каком-то обществе и заставившие Пушкина помирать со смеху».

П р о т и в о р е ч и я. Пушкин был безразличен к языку перевода «Федры» и «постоянно отклонял» его прослушивание. Одновременно он проявил и непостоянство, так как однажды «слышал некоторые отрывки», а затем прослушивал чтение уже вторично. Наконец, будучи настолько безразличным, «равнодушным» к языку перевода, он в то же время, слушая чтение, «помирал со смеху».

Л о ж н о е о т о ж д е с т в л е н и е. Гармония «молдавского языка» — это не то, что гармония языка художественного перевода. Гармонию «молдавского языка» Пушкин имел возможность проверить в Кишиневе не только на примере данного перевода.

Липранди прав в том, что Стамати стремился сблизиться с Пушкиным. Уже в 1824 году он перевел *первым* на язык одного из народов России «Кавказский пленник» с его «блистательными выражениями».

«Д. Н. Бологовский, при высшем своем образовании, вместе с тем был не чужд иногда потешиться кой-какими сценами вроде того, как это было с Дино Руссом; так и здесь ему хотелось свести Пушкина со Стамати.

После обеда он [Д. Н. Бологовский] пригласил бессарабского поэта прочитать свою пьесу, прибавив, что, не зная молдавского языка, он желает слышать гармонию стихов и что Пушкин по принадлежности будет судьей».

Противоречия. Только что мемуарист утверждал, что сам Стамати вызвался прочесть свой перевод. Здесь же сказано, что Бологовский пригласил бессарабского поэта прочитать свою пьесу. Выше мемуарист утверждал, что Стамати хотел, чтобы сам Пушкин оценил гармонию языка, а здесь оказывается, что это было желанием не самого Стамати, а уже Бологовского и что Пушкин будет «по принадлежности» лишь судьей.

Совершенно очевидно, что Липранди спутал роли (невольнo или, вернее, умышленно!): если Пушкин должен был выполнять роль судьи, значит уже до этого был какой-то спор и были оппоненты. Одним из них был Стамати, намеревавшийся защищать наличие гармонии, а другим оппонентом, опровергавшим гармонию стихов, был Бологовский, который желал «слышать гармонию стихов». Значит, судя по этому, Пушкин не принимал участия в диспуте (ниже будут приведены улики в том, что истинными оппонентами Стамати были Бологовский и сам Липранди!).

«Чтение при общем молчании началось; но так как длинно было бы читать всю трагедию, Пушкин предложил избрать какое-либо место, по которому можно будет судить о языке и всей пьесе, и очень серьезно назвал это место Стамати.

Пушкин сел против Дмитрия Николаевича, и глаза их устремились друг на друга с более или менее сдержанной улыбкой. Но когда дошло до места, которого Пушкин переварить никак не мог, то он разразился смехом, за ним другие, а там и Бологовский, хотя и сдержаннее других и как бы относя смех свой не к произнесенным словам читавшего, а более к Пушкину, спрашивал его: «Что он тут находит смешного?» Смеялся и сам Стамати».

Несуразности. «Чтение... началось», а место для чтения было указано после того, как оно началось; люди собрались для обсуждения гармонии языка перевода, а не пьесы в целом! Оговорка: «длинно было бы читать всю трагедию» — совершенно бессмысленна.

Запомним, что, возможно, помимо своей воли мемуарист отметил свидетельство о серьезности Пушкина при обсуждении вопроса о гармонии.

Противоречия. Функция «судьи», которую принял на

себя Пушкин, не согласуется с предвзятостью, которую он же якобы скрывал за своей «сдержанной улыбкой»; хитрый и высокообразованный аристократ Бологовский, устремивший свой взгляд на такого же «предвзятого» Пушкина, почему-то помещански увертливо скрывает свое истинное отношение к читаемому. Сдерживая — как хозяин, что ли? — свой смех, гостеприимный аристократ не стесняется сделать виновником конфуза другого своего гостя — Пушкина!

А почему «смеялся и сам Стамати»? Не из-за того ли, что доказываемый им тезис — пригодность молдавского языка для перевода французской изящной литературы или наличие гармонии в языке перевода — высмеивается и уже не в первый раз?

«Помилуйте, ваше превосходительство, может быть, это очень хорошо, очень грамотно, очень верно передано, но какая же гармония в *цифаче Ипполит*? и в ответ: *бояру? Сараку — аль Мурит!*».

Несуразности. Отсутствие гармонии Пушкин пытается доказать не Стамати, наиболее заинтересованному лицу, а Бологовскому. Верность и грамотность перевода как бы противопоставлены здесь «гармонии», в то время как первые два качества в вопросе художественных переводов уже неизбежно включают и третье (гармоничность). Незаурядная память у мемуариста, который не участвовал в диспуте, но запомнил *две* реплики! Однако наличие этих реплик в *перевод* Стамати, в форме, переданной мемуаристом, очень сомнительно. Если же они и имелись в прочитанном тексте, то он, этот текст, не был даже *вольным переводом*, а скорее какой-то *адаптацией*. Куцым репликам, приведенным мемуаристом, соответствует следующий текст оригинала:

Thésée, Théramène

Thésée

Théramène, est-ce toi? Qu'as-tu fait de mon fils?

Je te l'ai confié dès l'âge le plus tendre.

Mais d'où naissent les pleurs que je te vois répandre?

Que fait mon fils?

Théramène

O soins tardifs et superflus!

Inutile tendresse! Hippolite n'est plus.

(«Phèdre», V, 6)

Молдавский же текст, приведенный мемуаристом с ошибками, передает только следующее:

Тезея

— Как поживает Ипполит?

Терамена

— Боярин? — Бедняжка умер!

Отметим и совершенно неправильную транскрипцию молдавского текста. Следует:

— Че фаче Иполит?

— Боерул? — Сэракул а мурут!

«Все вместе с молдавским поэтом смеялись, но Бологовский поддерживал, что особенно неприятного для слуха он ничего не находит. Это одушевило Стамати, начавшего произносить из перевода еще кой-какие места...

Но Пушкин и слышать не хотел о гармонии языка и, обратясь к Стамати, сказал ему, что он очень хорошо делает, занимаясь литературой и в особенности не придерживаясь, как это делают теперь запрутские, вводя латинские и французские слова и вытесняя из языка славянское и пр ; но чтобы о гармонии для европейского уха не было бы и речи; это все равно, если уверяли, что цыганские хоры — лучше хороших европейских оркестров».

И н с и н у а ц и я. Не Пушкин, у которого по данному вопросу нет ни единого высказывания, а сам Липранди осуждал (но уже гораздо позже!) ориентацию на Запад в молдавском языке. Вот доказательства. В 1866 году Липранди писал: «Не с большим тридцать лет тому назад (то есть в середине тридцатых годов. — Г. Б.) как молдо-валахи, начав сблизиться с Западом, стали производить себя от римлян и переделывать как изображения букв, так и носившиеся с незапамятных времен названия славянские и начали писать ныне вместо остров — инзула, вместо любовник — амурезу, гура — монтана и т. п., но к народу это туго прививается и он сохраняет прежние названия». Это вполне справедливое для указанного периода замечание Липранди дополнил сноской: «Я мог бы сказать многое по сему предмету, но здесь было бы это неуместно. Несколько лет тому назад у меня были приготовлены статьи под заглавием: «Об усилении молдо-валахов произвести себя от римлян», но я оставил их ненапечатанными». В отрывке, который мы здесь воспроизводим, мемуарист сам указал периоды культурной ориентации в Молдавии. И это верное указание говорит о том, что в 1823 году Пушкин не мог ни хвалить, ни ругать молдаванина Стамати за его самим мемуаристом выдуманное предпочтение французскому языку. «В то время (то есть в 1823 году), — писал Липранди, — Париж не был еще знаком молдаванам, как это ныне (то есть в 1866 году). До букарестского мира (1812 год) «киблой» (идеалом) их была Россия, потом, благодаря нашей дипломатии... Вена сделалась их предметом, а с 1830 года — Париж».

Совершенно очевидно, что для большей убедительности своих утверждений Липранди в данном случае прибегнул к подтасовке, к приписыванию своего мнения о молдавском языке авторитету Пушкина («доводы к человеку»). Отметим

также и предвзятость мемуариста — предвзятость, также приписываемую им Пушкину, — в сравнении местных оркестров народных музыкантов-слушачей с... «хорошими европейскими оркестрами».

Противоречия. Только что мемуарист утверждал, что, хотя и одержаннее других, Бологовский присоединился к общему смеху; здесь же, преобразившись и выступая против всех вместе с молдавским поэтом, Бологовский вдруг стал поддерживать как раз обратное; «одушевившись», Стамати стал якобы произносить «еще кой-какие места», в то время как из предыдущего изложения вытекает, что по принятому условию и указанию Пушкина нужное место уже было однажды выбрано.

Несуразность. После такого невероятного конфуза, после того как даже и сам судья якобы разразился смехом, который должен был хотя бы смутить молдавского автора, Стамати вдруг, не обращая внимания на мнение Пушкина и даже нарушая его указание, стал читать, захлебываясь, новые места...

«Пушкин видимо разжигался, казалось, что он уже не мог видеть, что Бологовский, как хозяин и как охотник до подобных потех, не мог прямо разделять его мнение. Пушкин не понимал, что уклончивым отзывом Дмитрий Николаевич вызывал на арену самого Стамати...».

Несуразности. Обсуждение молдавского литературного языка перевода трагедии тонкого Расина Липранди называет «потехой»! Отзывы вначале предвзятого, а затем отступившего Бологовского, который уже в прочитанном «особенно неприятного для слуха» не находил, Липранди называет «уклончивыми».

Ну и недалеким же был этот Пушкин, который не понял тонкого маневра высокообразованного аристократа Бологовского, вызвавшего таким путем на арену самого Стамати... На какую арену? Состязаться с кем, если все, в том числе и Бологовский, были едины в отрицании гармонии. Не уместнее ли предположить в данном случае, что непричастно и изумленно слушал полемику сам Стамати: полемику по данному вопросу между Липранди и Бологовским, отрицавшими гармонию, и Пушкиным?!

«(Пушкин) начал приводить разные молдавские слова, которые для нашего уха действительно одни как-то дики, другие — смешны, и наконец присовокупил: «Да вот как, ваше превосходительство, если бы вам пришлось отвечать кому-либо на письмо из России, в котором вас спрашивают о вашем адресе, как поживаете, дорого или дешево жить, какие деньги здесь ходят и пр., то вам пришлось бы отвечать, что живете вы в Чи-

тате-ди-жос, возле Бессерики Бонавестины, в кассе исправника Еманди, что кило пшеницы стоит здесь один махмудье» — и т. п., т. е. в «Нижнем городе», возле «церкви Благовещения», «в доме исправника Еманди», «кило» (весовая мера) пшеницы продается за «махмудье» (золотая монета в общем обращении — тогда 25 левов) и т. п. Хорошо примут эту гармонию у нас в России!...

Затем следовало еще несколько примеров при общем смехе, в котором принимал немалое участие и сам Стамати, свертывая свою рукопись».

Произношение молдавских слов, приписываемое Пушкину, не находит подтверждения в списке молдавских слов, употребленных Пушкиным в его творчестве. Ни одного из этих слов нет и у писателя Вельтмана, так щедро употреблявшего в своем «Страннике» и в рассказах молдавские слова!

Участие самого Стамати в «потехе», по расчетам мемуариста, должно играть роль решающего аргумента для доказательства собственного тезиса об отсутствии гармонии в молдавском языке в целом. Указывая на Стамати, Липранди хотел доказать этим правдивость своих мемуарных «свидетельств» по теории «решающего опыта» (*experimentum crucis*).

«Когда бессарабский поэт ушел, Бологовский взял под руку Пушкина и, ведя его в кабинет, сказал ему по-французски, чтоб он написал все то, что он сказал, потому что именно он получил письмо такого содержания из Петербурга от сослуживца своего Обрезков и хочет удовлетворить его. Пушкин написал. Посмеявшись еще, разошлись».

Нагромождение деталей («взял под руку», «сказал ему по-французски») и удивительное совпадение набора слов, якобы произнесенных Пушкиным, как раз с предполагаемым ответом сослуживцу из Петербурга «Обрезкову» — яркие доказательства из арсенала всевозможных мистификаторов для придания большей достоверности своим фабрикациям. Однако известно, что тот, кто слишком много доказывает, ничего не докажет (*Nimium probat, nihil probat*).

«Посмеявшись еще, разошлись» — композиционный прием автора, последний его мазок в зарисовке «потехи».

«Этот эпизод, не знаю почему попал ко мне в дневник, и здесь я рассказал его потому более, что из числа аристократических домов Кишинева Пушкин нигде не был развязнее, как в обществе Бологовского».

«Не знаю почему» — очевидная симуляция наивности.

Мемуарист противоречит истине и в том, что только у Бологовского Пушкин был развязным.

Именно этот «основной» тезис Липранди (чрезмерная развязность Пушкина только в обществе Бологовского) оказывается несостоятельным. В 1822 году, например, он был готов где угодно — на улице, на площади (не говоря уже о домах), и кому угодно — друзьям, недругам, в присутствии слуг и вовсе незнакомым лицам, доказывать не только свои суждения о каких-либо современниках или, как в нашем случае, говорить об отсутствии гармонии в молдавском языке, но и делать наиболее смелые выводы политического характера. Один из современников Пушкина, П. И. Долгоруков, доказывая тем самым несостоятельность тезиса Липранди, в своем дневнике пишет: «(Пушкин) всегда готов у наместника, на улице, на площади всякому на свете доказать, что тот подлец, кто не желает перемены правительства в России. Любимый разговор его основан на ругательствах и насмешках, и самая даже любезность стягивается в ироническую улыбку»¹⁵.

Из другого места дневника узнаем, что уже в доме Инзова, в присутствии не одного чиновника, Пушкин «рассуждал за столом о нравственности нашего века, отчего русские своего языка гнушаются, отчизне цены не знают, порочил невежество духовенства...»¹⁶. Два месяца спустя у того же наместника Пушкин, который якобы нигде «не был развязнее, как в обществе Бологовского» (которого, кстати, за столом как раз и не было!), «составляя, так сказать, душу нашего собрания, рассказывал по обыкновению разные анекдоты, потом начал рассуждать о Наполеоновом походе, о тогдашних политических переворотах в Европе, и, переходя от одного обстоятельства к другому, вдруг отпустил нам следующий силлогизм: «Прежде народы восставали один против другого, теперь король Неполитанский воюет с народом, Прусский воюет с народом, Гишпанский — тоже; нетрудно расчесть, чья сторона возьмет верх». Глубокое молчание после этих слов. Оно продолжалось несколько минут, и Инзов перервал его, повернув разговор на другие предметы»¹⁷.

Подобных доказательств, опровергающих основной тезис Липранди, немало.

«Коронное» свидетельство Липранди о чрезвычайно близком знакомстве Пушкина с Бологовским вызывает подозрение и по следующим соображениям. Позже, в 1830 году, в Москве Пушкин дал ему не совсем выгодную характеристику, которую

¹⁵ М. А. Цявловский. Дневник Долгорукова. Публикация и примечания. «Звенья», т. IX. М., 1951, стр. 27.

¹⁶ Там же, стр. 66.

¹⁷ Там же, стр. 88.

по контексту нетрудно отнести и к кишиневскому периоду. В дневнике об этом же Бологовском, называемом и Болховским, Пушкин записал следующее: «Генерал Болховской хотел писать свои записки (и даже начал их; некогда, в бытность мою в Кишиневе, он их мне читал). Киселев сказал ему: помилуй! да о чем ты будешь писать? что ты видел? — Что я видел? возразил Болховской. Да я видел такие вещи, о которых никто и понятия не имеет. Начиная с того, что я видел голую ж (---) государыни Екатерины II-ой, в день ее смерти» (XII, 330—331)...

Кроме всего этого, вот что случилось со злополучной частью воспоминаний Липранди, в которой содержатся сведения об отрицательном отношении Пушкина не только к языку перевода художественного произведения, но и к молдавскому языку в целом: в свое время эта часть почему-то не была опубликована журналом «Русский Архив», которому по просьбе П. Бартенева Липранди выслал полный текст своих «заметок».

Купюру произвел сам Бартенева, издатель журнала. Из текста, присланного мемуаристом для «Русского Архива», Бартенева исключил всего три отрывка, обнаруженные гораздо позже и опубликованные в 1936 году. Публикатор и комментатор этих отрывков М. А. Цявловский нашел совершенно справедливое обоснование лишь для первой купюры, произведенной биографом Пушкина Бартенева, получившим соответствующую санкцию и от двух друзей Пушкина по Кишиневу — В. П. Горчакова и А. Ф. Вельмана. В первом отрывке речь шла о поступке Пушкина, вздумавшего как-то за столом напомнить Д. Н. Бологовскому об его участии в убийстве царя Павла. Приведя соответствующее место из письма Липранди к Бартенева и публикуя опущенный эпизод, советский ученый дал следующее объяснение: «Вполне понятно, почему В. П. Горчаков, Бартенева и Липранди решили исключить рассказ последнего о случае с Бологовским. Напоминать в печати лишний раз об убийстве Павла им, людям монархического убеждения, конечно, как выражается Липранди, «было неловко». Благодаря этому из воспоминаний о Пушкине и был изъят любопытнейший рассказ о поэте, так ярко характеризующий его «неумичивость» и склонность к озорным выходкам, в которых ему приходилось потом раскаиваться»¹⁶.

Двум другим купюрам, находя их интересными, публикатор не дал никакого объяснения. Допустим, что и эти два сокращения не являются случайностью, что Бартенева исключил их сознательно. Собрал по письменным источникам и по вопросам современников и ближайших друзей Пушкина обильнейший материал о пребывании поэта на юге, Бартенева, по на-

¹⁶ М. Цявловский. Из Пушкинианы П. И. Бартенева, стр. 552 и 553.

цему предположению, исключил эти два отрывка потому, что содержащиеся в них сведения не нашли подтверждения или, больше того, противоречили установленной им действительности. Данные этих отрывков могли опровергнуть не только Бартенев, но и друзья Пушкина В. П. Горчаков и А. Ф. Вельтман, которые читали их в рукописи. Предположение такой догадки содержится и в отрывке одного из писем Липранди к издателю Бартеневу — в отрывке, приведенном упомянутым публикатором. В одном из писем мемуарист Липранди вдруг сам выдает себя как мистификатора. Он, оказывается, и сам боялся разоблачения и сомневался в достоверности своих воспоминаний! В письме от 10 июля 1866 года он пишет: «Я желал бы знать, *много ли* нашел он [В. П. Горчаков] в моих очерках *несогласного с его взглядом*, а равно и Александр Фомич [Вельтман]»¹⁹. Проговорившись, Липранди сам дает возможность поставить под сомнение достоверность и интересующей нас купюры, сведения которой, как мы увидели, наполнены несуразностями и противоречиями, которые не только не согласуются с воспоминаниями других мемуаристов, но и противостоят им.

Все изложенное выше убеждает нас в том, что в данном отрывке воспоминаний Липранди содержится явная мистификация, умышленная подмена лиц и плохо прикрытое сведение личных счетов мемуариста с ненавистными ему молдаванами. К сожалению, в воспоминаниях Липранди это не единственная ложь и мистификация. Многие из его выдумок уже разоблачены, но еще очень многое в этом же направлении следует сделать. Изысканного провокатора, шпиона и предателя, так невыгодно и ложно обрисовавшего великого поэта даже в этом с виду незначительном эпизоде, следует тщательно проверять даже в мелочах, тем более потому, что уже на протяжении почти полного столетия его «Заметки» используются как ценнейшие и достовернейшие материалы для освещения кишиневского периода жизни и творчества Пушкина. В данном случае мы оправдываем допущенные нами длинноты и нижеследующей цитатой, доказывающей, что с 1936 года, времени ее опубликования, на протяжении нескольких лет все факты, изложенные в ней, оказались принятыми без малейших оговорок.

Один из авторов об этом эпизоде писал так: «Поэт [Пушкин] очень трудно переносил интеллектуальное превосходство других. В нашем же случае вдруг появляется переводчик, который без страха начинает переводить на румынский язык наиболее трудные произведения французской литературы. И в самом деле: со стороны Стамати, при всем его даровании, было большой смелостью браться за перевод Вольтера и Ра-

¹⁹ М. Цявловский. Из Пушкинианы П. И. Бартенева, стр. 552.

сина. Думаем, что мы не ошибемся в утверждении, что эти переводы не могли не быть слабыми. — Добавьте к тому же превосходное знание Пушкиным французского языка. По сравнению с текстом [оригинала] перевод мог показаться ему ребячеством или, возможно, даже профанацией»²².

Переходим сейчас к изложению высказываний самого Пушкина о молдавском языке.

Непосредственные высказывания о молдавском языке каких-либо художественных произведений или переводов (о чем позже писал Липранди) в творчестве Пушкина отсутствуют. Имеются, однако, высказывания об отдельных молдавских словах, их положительная оценка с точки зрения благозвучия и одновременно несколько на первый взгляд отрицательное суждение о новых языках, с которыми поэт столкнулся здесь на юге.

Познакомимся с этими высказываниями.

В начале 1823 года Пушкин написал стихотворение «Чиновник и поэт». Произведение это осталось незаконченным, при жизни поэта не печаталось и впервые было опубликовано Б. В. Томашевским лишь в 1930 году. (Будь оно напечатано при жизни поэта или мемуариста Липранди, последний, по всей вероятности, не посмел бы выдавать Пушкина насмешником над иноязычием!).

Стихотворение построено на диалоге между чиновником и поэтом. Чиновник хотел бы сопровождать поэта в прогулке за городом, поэт же хочет гулять именно по базару:

— Нет, я собираюсь на базар,
Люблю базарное волнение,
Скуфы жидов, усы болгар.
И спор и крик, и торга жар,
Нарядов пестрое стеснение.
Люблю толпу, лохмотья, шум
И жадной черни (лай?) свободный.

(II, 1, 282)

В авторском черновике к приведенным стихам текстологи прочли следующие отвергнутые варианты, вскрывающие, как нельзя лучше, истинное отношение поэта к «черни», к базарному гомону различных племен и состояний: «Люблю толкаться меж народа», «Люблю признаться (шум) крик народа», «Люблю я черни шум свободный», «Люблю я чернь», «И говор черни» и т. д. (II, 2, 794).

Следовательно, как в беловом автографе, так и в черновике данного стихотворения поэт не только не осуждает речь иноплеменных, но даже, наоборот, увлекается *говором* деловитой разноплеменной черни. Гораздо раньше, в декабре 1821

²² A. V. Boldur. Contribuții la Istoria Romînilor. Istoria Basarabiei, vol. III. Chișinău, 1940, p. 55.

года, Пушкин написал свою чудную элегию «К Овидию». В беловом тексте имеются строки:

Твой безотрадный плач места сии прославил;
И лиры нежный глас еще не онемел;
Еще твоей молвой наполнен сей предел.
(II, 1, 218)

В этих стихах Пушкин говорит о богатстве местного музыкального народного творчества, о ссыльном поэте, надолго оставшемся в памяти народной. В черновике этим стихам предшествовали искания:

Еще тобою полн угрюмый сей предел
Следы твои хранит печальный сей предел
Еще хранит твой звук печальный сей предел
Здесь музы мирный глас еще не онемел
Здесь нежный лирный глас еще не онемел
И лиры сладкий глас еще не онемел
(II, 2, 720)

В приведенных стихах черновика, поменяв только места, поэт также говорит о том, что в Бессарабии помнят Овидия (Тобоею полн, Следы твои хранит, Еще хранит твой звук); в последних трех стихах он указывает на богатство местного музыкального народного творчества. Последнее как будто исключает приписываемое ему мнение об отсутствии благозвучия в языке местных жителей.

Есть в творчестве Пушкина непосредственное и очень лестное мнение о благозвучии отдельных молдавских слов: молдавский (он же и цыганский) антропоним *Мариула* поэт воспринимал как слово чрезвычайно нежное:

За их ленивыми толпами
В пустынях часто я бродил,
Простую пищу их делил
И засыпал пред их огнями.
В походах медленных любил
Их песен радостные гулы
И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил.
(IV, 203)

В отвергнутых вариантах последние стихи читаются:

И нежны имена твердил
Земфиры, милой Мариулы
(Рали, Земфиры, Мариулы).
(IV, 437)

Это свидетельствует о твердой убежденности поэта в выборе эпитета не для одного, а уже для целого ряда антропонимов. Однако дело оказывается не таким уж простым. В «Евгении Онегине» поэт говорит о сопровождающей его по Бессарабии музе так:

И позабыв столицы дальней
И блеск и шумные пиры,

В глуши Молдавии печальной
Она смиренные шатры
Племен бродящих посещала
И между ними одичала,
И позабыла речь богов
Для скудных, странных языков
Для песни степи ей любезной.

(VI, 167)

В черновике последние стихи выглядели иначе:

И позабыла речь богов
Для странных, новых языков
Для пенья степи ей любезной.

(VI, 662)

Здесь, следовательно, языки, с которыми поэт мог познакомиться на юге, определялись им как будто отрицательно: по черновику новые эти языки — *странные*, а по окончательной редакции — и *скудные* и *странные*.

Множественное число существительного *языки*, повторенное и в черновике и в окончательном тексте, по всей вероятности, означает, что поэт в данном случае подразумевает как цыганский, так и молдавский язык (в Молдавии все цыгане с детских лет разговаривают на этих языках).

Эти два эпитета — *скудный* и *странный* как будто противоречат эпитету *нежный*, которым Пушкин охарактеризовал ряд молдавских антропонимов, и прежним высказываниям о его любви к говору черни и о музыкальной одаренности жителей Бессарабии; они заставляют нас вернуться к сведениям современников и к творчеству самого поэта для того, чтобы выяснить смысл, который вкладывался тогда в понятие *гармония*.

В. П. Горчаков, имея в виду тот же диспут о языке молдавского перевода «Федры», говорил определенно о фонетизме молдавских слов. В языке перевода «выходили странные звуки», — писал он в сноске. И. П. Липранди имеет в виду то же самое — необычные и потому неприятные отдельные звуки и их сочетания. Пушкин, писал он, сваливая, по нашему мнению, совершенно зря это мнение на поэта, «начал приводить разные молдавские слова, которые для нашего слуха действительно были как-то дики, другие — смешны».

А что такое *гармония* в понимании Пушкина?

После выхода в свет соответствующего тома «Словаря языка Пушкина» мы располагаем теперь сводом всех случаев употребления Пушкиным данного слова: наречие *гармонически* поэт употребил один раз, прилагательное *гармонический* — семь раз, а существительное *гармония* в различном контексте и в разных падежах — 34 раза. Составители словаря определили значение существительного так: «музыкальное созвучие», «благозвучие» и «соразмерность». В первом значении слово употреблено семь раз, во втором — 25 и в третьем — два ра-

за. Прилагательное *гармонический* в значении «полный благозвучия» встречается пять раз, а в значении «полный соразмерности» — два раза. Частота употребления слова в значении «благозвучие» (25 раз) и «полное благозвучие» (пять раз) обязывала, по нашему мнению, составителей данного словаря объяснить *первое* значение слова не «музыкальным созвучием», а именно «благозвучием». Но это, впрочем, для нас не столь важно. Главное состоит в том, что из всех 42 случаев употребления и существительного, и прилагательного, и наречия (34+7+1) в подавляющем большинстве случаев — в 30 (25+5) — слово означает «благозвучие», то есть «угодливость или согласность звуков для нашего слуха», или «согласность звуков последовательных или совместных»²¹.

Следовательно, так же как Горчаков и Липранди, присутствовавшие при чтении «Федры» в молдавском переводе, Пушкин, высказываясь якобы об отсутствии гармонии, имел в виду «отсутствие благозвучия». Поскольку речь идет о благозвучии в неродном языке, то по аналогии с фактами восприятия любых иностранных языков благозвучие может означать в данном случае одно из трех: интонация, собственно звуковая сторона речи, то есть согласность звуков, и, наконец, речевой ритм.

Что имел в виду Пушкин, называя молдавский и цыганский язык «скудным»? Эпитет *скудный*, которым были охарактеризованы позже «новые языки», с которыми поэт познакомился впервые на юге, не может примениться ни к согласности звуков, ни к интонации, ни к речевому ритму данных языков. Говоря о *скудности*, нельзя подразумевать ни бедноту (малое количество) звуков, ни мелодику устной речи, ни ее ритм! В данном случае мысль поэта была, по-видимому, гораздо шире: возможно, что он думал о лексическом составе бесписьменного тогда цыганского языка или же о лексической недостаточности молдавского языка.

В эпитете *странный* намек на фонетическую сторону этих языков очевиден. По-видимому, поэта поразили отдельные их звуки, необычные и потому «странные» для его уха.

Но вот разница: Липранди приписал Пушкину эпитеты «дикие» и «смешные» (звуки). Пушкин же говорит только о «странности» (звуков). В чем же состоят эти «странности»?

И. П. Липранди привел несколько слов, произнесенных якобы самим Пушкиным во время диспута о гармонии молдавского языка. Напомним, что ни одно из этих слов не встречается в творчестве Пушкина и, больше того, ни у кого другого из

²¹ Во французском стихосложении гармония определяется соответствием гласных в одном и том же или в соседствующих стихах. Ср. Maurice Grammont. Petit traité de versification française. Paris, 1932, p. 142—145.

современников. Напомним еще раз соответствующую реплику, приписанную мемуаристом Пушкину: «Да вот как, ваше превосходительство, если бы вам пришлось отвечать кому-либо на письмо из России, в котором вас спрашивают о вашем адресе, как поживаете, дорого или дешево жить, какие деньги здесь ходят и пр., то вам пришлось бы отвечать, что живете вы в *Читате-ди-жос*, возле *Бессерики Бонавестины*, в *кассе исправника Еманди*, что *кило* пшеницы стоит здесь один *махмудье*» — и т. п., т. е. в «Нижнем городе», возле «церкви Благовещения», «в доме исправника Еманди», «кило» (весовая мера) пшеницы продается за «махмудье» (золотая монета в общем обращении — тогда 25 левов) и т. п. Хорошо примут эту гармонию у нас в России!..»

Обратим внимание на то, что все эти искусно подобранные слова, *дикие* или *смешные*, представлялись самому мемуаристу лишенными гармонии. «Дикое» и «смешное» в этих молдавских словах сравнительно с их русскими эквивалентами, то есть для одноязычного русского, следует объяснять в каждом случае по-разному. Сочетание *Читате-ди-жос*, например, может поразить русское ухо тем, что, напоминая русское слово *читайте*, оно обозначает нечто совершенно неожиданное — «Нижний город»! Не соответствует и ритм молдавского сочетания (— ˘ — — ˘), то есть двухстопный амфибрахий, обрывающийся на ударном слоге, плавному русскому *Нижний город* (˘ — — ˘ — —). Сами слоги, оформленные в сочетании целым рядом однотипных взрывных (т—т—д), обрамленных согласными *ч* и *с*, даже без их сопоставления с русским соответствием, а уже самой своей отрывистостью могут легко поразить иноязычного. Этому содействует и интонация молдавского сочетания (— ˘ — — ˘), если оно сопоставляется со своим антонимом *Четате-де-сус* — «Верхний город», и — — ˘ — — ˘ в иных положениях), интонация, отличающаяся от русской (˘ — — ˘ —).

Если ко всему этому добавим и то, что в живом произношении сочетание это выглядит так: чШетате-де-жьос, то есть со звуками, которых нет в фонетической системе русского языка (чШ и жь), или то, что согласные *т* и *д* йотированы далеко не в такой степени, как в русском языке (*те*, не *tje*; *де*, не *dje*). то характер данного молдавского сочетания для некоторых иноязычных может и впрямь показаться и «диким», и «смешным», и лишенным всякой гармонии. Однако, как увидим ниже, такое восприятие иноязычия свойственно далеко не всем людям.

Такими же или подобными средствами можно бы было при желании объяснить «странность» и даже «дикость» и других сочетаний звуков в словах, приведенных мемуаристом: *Бессерика Бонавестины* (?), *касса исправника Еманди*, *кило*, *махмудье*.

«Странностям» и «дикостям» приведенных слов способствует и то, что часть из них оттранскрибирована мемуаристом как бы умышленно неправильно и даже с нескрываемой небрежностью: *Читате-ди-жос*, вместо *Четатя де жос*; *Бессерика Бона-вистины*, вместо *Бисерика Бунавестуре*.

Эта же небрежность или самоуверенность в знании молдавского языка проявляется и в предложенном мемуаристом обратном переводе русского слова *город*, который на молдавском языке ни в каком случае не переводится через *четате*, означающее только и только «крепость». Такой перевод мог предложить немец или русский, правда, слишком уж самоуверенный и не допускающий, что в другом языке нет единого слова, которым переводились бы понятие «город» и понятие «крепость». А молдавское *четате* передает только один смысл русского слова *город* — «крепость». Правильный молдавский эквивалент русского *город*, от которого исходил мемуарист, передавая обстановку города Кишинева, то есть *Нижнего города*, не *четате*, а *ораш* или *тырг*!

Как мы видели выше, о благозвучии трех молдавских антропонимов (Рали, Земфира, Мариула) Пушкин высказался более чем положительно, назвав их именами *нежными*. Признался Пушкин и в своей любви к шуму или говору деловитой толпы на кишиневском базаре. Был он убежден и в музыкальной одаренности носителей молдавского и цыганского языков. В свете этих данных о не только разумном, но и более чем благосклонном отношении поэта к «новым» для него языкам юга России можно ли допустить, что в пушкинском же эпитете *странный* скрывался хотя бы намек на недоброжелательство? Мы считаем, что такого чувства в данном случае не было, как не было его и позже у Пушкина, автора «Памятника», проявившего великое понимание особенностей всех языков и глубокое уважение ко всем народам.

Пушкин жил в условиях многонациональной России, когда уже выработалась объективность суждений о различных языках. В связи с отношением Пушкина к другим языкам уместно привести здесь очень ценные наблюдения выдающегося советского ученого о проблеме отношения к иноязычию, прослеженной на примерах европейских литератур. Опираясь на большое количество фактов, М. П. Алексеев счел возможным сделать вывод, согласно которому до XIX века господствовала «полная произвольность эстетических оценок всякой иностранной речи». В России же «все условия развития русской государственности способствовали выработке у нас особой восприимчивости ко всему «инонациональному» в области быта, обрядности, языка, искусства. Географическая протяженность русского государства, многоплеменность и разноязычность населения, самые причудливые сочетания казались бы несовме-

стимыми ни на каком другом уголке земного шара контрастов в области быта, идеологий, различные типы языковых смешений и т. д., непонятные и даже невысказанные для более однородных культур Запада и Востока — все это постоянно повышало у нас не только ощущение «чужого», но и способность быстро примениться к нему, ассимилировать его, понять с удивительной полнотой. И это сказалось прежде всего в нашем отношении к иноязычию»²².

К числу великих представителей такого отношения к другим народам и языкам, в частности к молдаванам и цыганам, относится и Пушкин: подметив лексическую ограниченность и необычные звуки, он сумел все же выйти за пределы привычной собственной языковой практики. Он не только не осудил или не высмеял, но и стал благосклонно на точку зрения иного речевого сознания и опыта.

Не таким был шовинист И. П. Липранди. Мы познакомились выше с его собственными признаниями о том, что он просто ненавидел всех молдаван и, больше того, пытался убедить в этом и Пушкина. В своем отношении к другим языкам Липранди оставался таким же шовинистом, каким он был и в жизни, и приведенные выше выдержки из его фабрикаций являются ярким свидетельством его недоброжелательства, субъективно-отрицательных позиций, новым доказательством его сшитой белыми нитками инсинуации.

²² М. П. Алексеев. Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия. «Труды юбилейной научной сессии Ленинградского госуниверситета. Секция филологических наук». Л., 1946, стр. 214 и 215.

ПУШКИНСКИЕ НАУЧНЫЕ КОМИССИИ ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ МФ АН СССР И ОДЕССКОГО ДОМА
УЧЕНЫХ

ПУШКИН
НА ЮГЕ

Труды
Пушкинской конференции
Одессы и
Кишинева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИНЦА»
МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
КИШИНЕВ * 1961